

Узнавший детектив

Г•А•Л•И•НА

КУЛИКОВА

Ураган по имени Глаша,
или Рецепт дорогого удовольствия

Галина Михайловна Куликова
Ураган по имени Глаша, или
Рецепт дорогого удовольствия
Серия «Изысканный детектив
от Галины Куликовой»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121203

Куликова Г. М. Рецепт дорогого удовольствия. Салон медвежьих услуг.

Рога в изобилии : повести : Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-32890-1

Аннотация

Босс Глаши Медвянской Петр знал, что девушка она бесстрашная и находчивая. А значит, найдет его пропавшую жену Сузи. В милицию он не заявлял – боялся огласки, ведь в прошлом Сузи была девушкой по вызову. Решив, что супруга взялась за старое, Петр следил за женой. Последний раз он видел ее ночью на кладбище. Чуть позже сам Петр был убит в собственной квартире. В этот момент Глаша находилась в соседней комнате...

Содержание

1	4
2	28
3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Галина Куликова

Рецепт дорогого удовольствия

1

– А вот и Глаша пришла! Познакомься, Глашечка, с нашим новым клиентом, – протянула Раиса Тимуровна Подвойская сахаристым басом.

Она всегда говорила сладко, когда собиралась сватать кого-нибудь «из девочек» очередному неженатому бедолаге, который являлся в профилактический центр нетрадиционной медицины подлечиться.

Центр был небольшим, но в своем районе популярным и носил оптимистичное название «Я здоров!». Все работники ужасно намучились с этим названием, особенно поначалу. Когда кто-нибудь из докторов отвечал на телефонный звонок, говоря привычное: «Алло. „Я здоров!“, позвонивший игриво отвечал: „Я так рад за вас!“. Или: „А вот про себя я этого сказать не могу“. Или что-нибудь в таком роде.

– Глашечка, это Алексей Денисович, – продолжала Подвойская, поглаживая по плечу экземпляр мужского пола, который сидел на стуле, напряженно выпрямившись и при-

стально глядя на свои ботинки.

Глаше, как самой молоденькой – ей исполнилось «все-го-то» тридцать пять, – чаще других приходилось испытывать на себе Раисины бурю и натиск.

– Оч-приятно, – пробормотала она, пытаясь проскользнуть мимо одеревеневшего Алексея Денисовича, который двумя ногами уже вошел в пенсионный возраст.

Подвойская необъятной грудью загородила Глаше дорогу. – Алексей Денисович преподает в Академии МВД, – сообщила она таким торжественным, «подарочным» тоном, словно любой индивид, имевший отношение к вышеназванному заведению, был пределом Глашиных мечтаний.

– Алексей Денисович, оч-приятно, – вторично пробормотала Глаша.

Быстрая улыбка спорхнула с ее губ и отдала концы, едва добравшись до адресата. Раиса Тимуровна раздула ноздри. Тон ее, однако, совсем не изменился.

– У нашей Глашеньки, – поспешно сообщила она, – особые отношения с милицией. Милиция недавно вынесла ей благодарность. Она, знаете ли, отловила преступника!

– Не отловила, – привычно поморщилась Глаша, – а вычислила.

– Да? – заинтересовался Алексей Денисович, неожиданно выйдя из комы. – Как это так – вычислила?

– Глашенька, расскажи! – потребовала Раиса Тимуровна и придвинула для себя стул.

Села на него удобно, словно рассказ должен был занять полдня. Она была дамой крупногабаритной, громкоголосой и очень душистой. От духов Раисы Тимуровны жирные июльские комары дохли быстрее, чем от разрекламированного «Фумитокса».

– Я простудилась и лежала дома с температурой, – привычно начала Глаша рассказ, который уже был обкатан не хуже, чем экскурсия у опытного гида. – Читать не могла – глаза очень болели. И телевизор смотреть не могла. Поэтому все время смотрела в окно, чтобы не скучать. Наблюдала за прохожими. – Глаша тоже села и приняла вольную позу.

Алексей Денисович завозился на своем месте и глянул на Глашины ноги с узкими коленками и тонкими лодыжками. Она вообще вся была узкой и тонкой. Бабушка ворчала: «Не девка, а стрекоза: одна голова с глазищами!» Глазищи у Глаши были светло-карие, почти что желтые. Волосы ее знакомая парикмахерша красила «темным каштаном» и стригла неровными прядями. Подруга Лида называла результат французским шиком, а брат Коля – укладкой бездомной собаки. Брат, конечно, ничего не понимал. Прическа Глаше нравилась.

– Напротив моего окна расположен большой магазин «Сантехника», – продолжала она, зная точно, что рассказывать надо доходчиво, иначе Раиса Тимуровна начнет вносить дополнения и дело затянется. – И вот я заметила, что в то время, как к магазину перед самым закрытием подъезжает

инкассаторская машина, там постоянно ошивается один и тот же человек.

– Ну да? – подал реплику Алексей Денисович.

Подвойская с одобрением посмотрела на него.

– Да-да, – кивнула Глаша. – И он все время маскировался. То входил в магазин вместе с инкассаторами, словно припозднившийся покупатель. То разгуливал неподалеку с поводком в руках, хотя никакой собаки с ним не было. То изображал пьяного, который присел на бордюрный камень передохнуть. Один раз он даже оделся разносчиком пиццы и бегал с коробкой по окрестностям.

– Она позвонила в милицию и все рассказала! – встряла-таки Раиса Тимуровна. – За этим типом начали следить и вышли на целую бандитскую группу, которая затевала нападение на инкассаторов. Преступникам позволили довести операцию почти до самого конца и взяли с поличным! – с восторгом закончила она. – А Глашеньке вынесли благодарность.

Алексей Денисович вопросительно посмотрел на Глашу.

– Вынесли, – подтвердила та и поспешно поднялась. – Ну, мне нужно работать.

– Конечно, Глашечка! – пропела Подвойская. – Только выдай Алексею Денисовичу нашу визитку и сопутствующие материалы, а то мне надо отлучиться.

Она уже намылилась ускользнуть, оставив гипотетическую парочку наедине, когда в приемную из своего каби-

нет вышел доктор Лева Бабушкин. Лева занимался в центре биорезонансной диагностикой и обслуживал новейший аппарат – подключал клиента к компьютеру, тестировал его организм, а потом с увлечением рассказывал, что получилось. Половина пациентов аппарату не верила, но абсолютно все считали сам процесс страшно увлекательным. Как бы то ни было, но именно по результатам тестирования Лева подбирал всякому страждущему комплекс натуральных препаратов и добивался потрясающих результатов.

– Привет, Глафира! – поздоровался Лева и, подойдя поближе, понизил голос: – Признавайся, чего натворила? Тебя директор вызывает. С самого утра рвет и мечет. Злой, как шайтан. Обещает свернуть твою нежную шейку.

– Да? – удивилась Глаша и обернулась к насупившейся Раисе Тимуровне. – Вот видите, меня, оказывается, на ковер. Так что...

Она метнулась к кабинету директора и толкнула дверь плечом. На ней висела табличка: «Кайгородцев Петр Сергеевич».

Петр Сергеевич сидел за своим гигантским «противотанковым» столом и исподлобья смотрел на ввалившуюся к нему Глашу. Он был высокий, рыжеватый, с умными глазами и мужественным, разделенным впадинкой подбородком. И руки у него были красивые, белые, докторские, хотя Кайгородцев не имел никакого отношения к медицине, а занимался лишь административными вопросами.

– Петь, что случилось? – испугалась Глаша, глядя на надутого директора. – Неприятности?

Кайгородцев ненавидел неприятности, а заодно и тех, кто их ему доставлял. «Честь мундира» защищал самоотверженно, так как считал ее важнейшей составляющей коммерческого успеха.

– Поздравляю тебя, Медвянская! – желчно сказал он, хлопнув по столу обеими ладонями. – Дукельский собирается подать на тебя в суд.

– Дукельский? – ошалело переспросила Глаша. – На меня?!

– На тебя, на тебя, родная. Ты вообще в курсе, что ты с ним сделала?

– С кем? – глупо переспросила Глаша.

– С Дукельским! – заорал Петя и вскочил со своего места.

– А кто это?

– Не прикидывайся доской! Ты прекрасно знаешь, про кого я говорю!

– Я не прикидываюсь! И я не знаю, про кого ты говоришь! – тоже повысила голос Глаша. Ее «французский шик» стал дыбом, словно иглы дикобраза.

Кайгородцев тут же сбавил обороты.

– Это тот тип, – ехидно пояснил он, – которому ты сделала на пляже массаж, выдав себя, вероятно, за большого специалиста по лечению позвоночника. Куда-то ты там ему не туда нажала, спина у него теперь ни к черту, он лежит пластом и

одновременно подает в суд на наш центр.

– Надеюсь, ты шутишь? – помертвев, спросила Глаша.

– А что, похоже, что я шучу?

– Я не выдавала себя за врача! – воскликнула Глаша. –

Просто наши полотенца оказались рядом, мы стали болтать, а он все время потирал поясницу. И я сказала ему: «Давайте помассирую!», и он согласился...

Глаша покраснела. Тогда на пляже она положила на Дукельского глаз и мечтала, что на следующий день он позвонит ей и куда-нибудь пригласит. А он вон что!

– Ага, ага! – мелко закивал Кайгородцев. – «Давай помассирую!» – передразнил он ее. – Еще ты сказала, что работаешь в центре нетрадиционной медицины, только не уточнила кем. И Дукельский подумал, естественно, что ты профессионал. Однако после твоего массажа бедолаге стало так плохо, что он вынужден был сесть на больничный. Теперь он звонит сюда и требует сатисфакции.

– Гнусные инсинуации! – расвирепела Глаша. – Сначала он согласился на массаж и уж только потом, когда попросил телефончик, я сказала ему, где работаю. И сказала – кем.

– У пострадавшего другая версия!

– Да он просто свинья, твой пострадавший!

– Это ничего не меняет! Ты сделала массаж свинье, и теперь она хочет подать на нас в суд!

Глаша нащупала рукой стул и без сил опустилась на него.

– Петь, – жалобно спросила она. – А... А что, ты уже рас-

сказал начальству?

Она ничуть бы не удивилась, если бы он рассказал. Начальством в центре называли хозяина, который носил фамилию Нежный. При этом фамилия совсем не соответствовала его сильному характеру. Нежный и Кайгородцев когда-то учились в одном классе и поддерживали отношения в студенческие годы. Потом дела у Нежного пошли в гору, ему потребовалась своя команда, и он позвал к себе мыкавшего без настоящего дела Кайгородцева. С тех пор он так и таскал его за собой, доверял безоглядно и платил щедро. Проекты следовали один за другим, Кайгородцев отлично справлялся со всяким делом, и теперь, когда Нежный решил вложить деньги в сеть центров нетрадиционной медицины, возглавил один из них.

– Я ничего никому не рассказывал! – огрызнулся Петя. – Я... Я вообще, может, никому ничего не стану рассказывать!

Он странно посмотрел на нее – искоса, угрюмо и, одновременно, слегка испуганно. Словно хотел сказать что-то и не решался. Если бы Глаша никогда не видела его потрясающую жену, она, ей-богу, подумала бы, что Кайгородцев в нее влюбился.

– Что ты имеешь в виду? – пролепетала она.

– Ну... – Петя неожиданно сел и потеревил нижнюю губу. – В конце концов, ты мой референт, я должен за тебя заступиться. Пошлю к Дукельскому своих ребят, они объяснят этому козлу, что иск подавать не нужно...

Он говорил и смотрел на нее выжидающе. Примерно так недавно паялся на нее сантехник, который пришел починить протекший кран и не желал уходить без денежного вознаграждения.

– Спасибо, Петя, – осторожно произнесла Глаша. – Если я что-то могу для тебя сделать...

– Можешь, – мгновенно откликнулся Кайгородцев. – Знаешь, я слышал эту твою историю про нападение на инкассаторов и как ты все это предотвратила...

Глаша едва не застонала.

– Раисе Тимуровне надо привязывать к языку гирию! – прошипела она. – Выставляет меня непонятно кем...

– Да ты послушай, дурочка! – перебил ее Кайгородцев. – Я тебя о помощи хочу просить. Беда у меня, Глаша!

Он закрыл рукой глаза и некоторое время сидел неподвижно, пытался справиться с собой. Глаша тоже не шевелилась, сжавшись на своем стульчике. Наконец Петя убрал руку и взглянул на свою визави в упор:

– У меня жена исчезла.

Глаша тут же хотела переспросить: «Исчезла? Как это – исчезла?», но, посмотрев на Петю, проглотила свой вопрос. Жена исчезла! Красавица Сусанна, которую Кайгородцев называл Сузи, и было непонятно, то ли это насмешливое прозвище, то ли наоборот – восторженное. И только когда жена как-то раз заехала за ним после работы и вошла в приемную – прелестная и яркая, словно девушка с обложки модного

журнала, – все поняли, что восторженное.

Петя смешно гордился своей женой. Примерно так мальчишка может гордиться потрясным велосипедом, а юнец – шикарной папиной машиной. Сусанна была его завоеванием, и вот теперь он говорит, что она исчезла. Кстати, очень странное слово он подобрал – исчезла. Не пропала и не ушла.

– Когда? – кратко спросила Глаша, боясь многословием разбередить Петино страдание. Страдание сидело в нем, притаившись, словно кошка с выпущенными когтями.

– Неделю назад.

– Неделю? – ахнула Глаша. – И что ты делал всю эту неделю?

– Ждал, – коротко ответил Петя и поднял на нее печальное лицо – лицо Пьеро, от которого сбежала Мальвина.

Глаша поняла, что беседа в том же духе может длиться очень долго, поэтому попросила:

– Петь, расскажи сам все толком. Как она исчезла? Может быть, вы поругались?

Кайгородцев провел рукой по лицу и потерянно сообщил:

– Она все время пила меня горьким чаем. Ну, гадость, веришь? Я постоянно спрашивал ее: «Сузи, почему чай такой горький?» А она назидательно говорила: «Потому что это *настоящий* чай, а не то резаное сено, которое засыпают в пакетики». Но когда приходили гости, чай никогда не бывал таким отвратительным, как тот, что я в последнее время пью на ночь. У Сузи появилась вдруг такая традиция – чай

на ночь. Вроде бы он способствует вымыванию из меня каких-то токсинов. Будто я работаю на химическом заводе!

– Не понимаю, что ты хочешь сказать, – пробормотала Глаша. – Что Сусанна тебя травила?

– Я только сейчас сообразил, – понизил голос Кайгородцев. – В те вечера, когда был горький чай, я рано ложился и спал как убитый.

– А в другие вечера? – шепотом спросила Глаша.

– А в другие вечера было что-нибудь другое – какао, или шоколад, или шампанское. Или мы вообще ужинали в гостях. А в прошлый понедельник...

...В прошлый понедельник он не выпил свой вечерний чай. Обычно Сусанна все обставляла так, что он просто не мог не выпить – приносила чашку на маленьком подносике, покрытом салфеткой. Рядом на блюдечке лежал влажный ломтик лимона и крошечный трюфель, завернутый в хрустящую обертку. Петя Кайгородцев обожал трюфели и, если бы не жена, поглощал бы их вазочками.

Сусанна подавала мужу подносик и гладила его по руке, любовно наблюдая, как он расправляется с угощением.

А в прошлый понедельник она поднесла ему чай и, чмокнув в щеку, отправилась принимать ароматическую ванну. Ей подарили какую-то кристаллическую дрянь в зеленой баночке, якобы выпаренную из Мертвого моря, и ей не терпелось в ней просолиться.

Оставшись один, Петя задумчиво повертел чашку в руках,

понюхал, после чего поднялся, пошел на кухню и вылил чай в раковину. Сполоснул чашку, наполнил ее кипятком, бросил в кипяток лимон и раздавил его ложкой. Проглотил конфету, запил кислой водой, выплюнул лимонную корочку и залез в постель.

Среди ночи что-то его разбудило. Было темно, только по полу расплывались белые лунные лужи. Дверь в спальню оказалась приоткрыта, и Сусанна где-то там, на кухне, разговаривала по телефону. Она говорила очень тихо, и слов разобрать было нельзя, и Петя как-то сразу понял, что окликать ее не стоит. Он затаился и даже дышать старался как можно тише.

Если бы *ему* позвонили среди ночи, он бы стал кряхтеть и шаркать тапочками и точно включил бы свет на кухне. А Сусанна не включила. Она сидела в крошечной тьме и шептала в трубку.

Петя пролежал неподвижно всего минуту. Потом не выдержал, вылез из-под одеяла и подкрался босиком поближе.

– Как я могу отказаться? – спрашивала Сусанна таким голосом, словно что-то давило ей на горло. – Хорошо. Да, я приду.

Раздался всхлип, затем скрипнул пол, трубку повесили, и Кайгородцев метнулся обратно в постель. Сусанна зашла в комнату и, тенью проскользнув к шкафу, принялась копаться внутри. «Неужели собирается уходить? – подумал Петя. – Боже мой, но куда?!» Он скопил глаза на электронный бу-

дильник – было два часа ночи.

Его жена тем временем повесила на руку каких-то тряпок и заперлась в ванной. Петя свесил ноги с кровати и, нащарив на стуле джинсы, футболку и носки, быстро натянул их и снова лег, укрывшись одеялом до самого носа. Так что когда Сусанна вышла из квартиры и тихонько прихлопнула за собой дверь, ему осталось лишь сунуть ноги в кроссовки. Он торопился и не стал их расшнуровывать, надел так, безжалостно ломая задники.

Когда он высунулся из подъезда, его жена как раз входила под арку, ведущую из двора на шоссе. А он почему-то думал, что ее кто-нибудь поджидает под окнами. Но куда же она отправилась? Ее машина на платной стоянке, а та – совсем в другой стороне. Куда может отправиться замужняя женщина в два часа ночи – пешком и в гордом одиночестве? Следуя за ней на почтительном расстоянии, Петя через некоторое время стал понимать – куда. Сусанна шла в сторону кладбища.

Господи, спаси и помилуй! Что ей понадобилось ночью на кладбище?! Тем временем она дошла до главных ворот и свернула направо, двинувшись вдоль ограды по заасфальтированной тропинке, обсаженной кустами боярышника. Петя пошел в том же направлении, только по другую сторону зеленой изгороди. В этот час здесь не оказалось ни машин, ни прохожих и было тихо, словно в лесу.

Сусанна уверенно подошла к небольшой калитке, откуда в глубь территории убегала тропинка, ведущая к старым захо-

ронениям. Насколько было известно Пете, на этом кладбище у жены никто из родных или близких похоронен не был. Никаких бабок или прабабок. Тем не менее она вошла в калитку и стала быстро удаляться.

Петя заметался снаружи, понимая, что, если последует за женой, она его заметит – дорожка сносно освещена, да и могильные плиты все больше низкие, за такими не спрячешься. Тогда он притаился за кустами и, выудив из кармана мятую пачку с двумя слежавшимися сигаретами и зажигалкой, засунутой внутрь, принялся отравлять организм, который Суанна так истово оздоравлила в последнее время. Сейчас это самое время шло, ее не было, и Петя неожиданно решил, что ведет себя глупо. Надо вернуться домой, дожидаться жену и в лоб спросить ее, что все это значит.

– Я затоптал окурок и побрел в обратную сторону, – признался Кайгородцев, глядя на Глашу так, словно она должна была вынести ему приговор. – Ушел уже довольно далеко, когда услышал за спиной тихий рокот мотора. Обернулся и увидел, что Сузи возвратилась, вышла из калитки и идет к машине, которая остановилась прямо напротив нее.

– Что за машина? – тут же спросила Глаша, против воли почувствовав возбуждение.

– Я не разглядел. Ушел уже довольно далеко, понимаешь? Просто низкая темная машина, вот и все, что я могу сказать. Сузи села в нее, машина развернулась и умчалась прочь.

Больше я свою жену не видел.

– И случилось это в прошлый понедельник? – уточнила Глаша.

– В прошлый понедельник, – повторил Петя. – Я тогда просидел на кухне до самого утра, все придумывал, что и как я скажу Сузи, когда она возвратится. Но она... так и не пришла.

– И ты не обратился в милицию? – изумилась Глаша.

Петя отрицательно покачал головой:

– Я не могу. У меня есть причина не обращаться в милицию.

– Послушай, а зачем ты вообще все это мне рассказал? – неожиданно спросила Глаша. – Не думаешь же ты, что я смогу отыскать Сусанну?! Вот такая вот наивная Глаша Медвянская без связей и без пистолета?

– Я хочу, чтобы ты просто попробовала что-нибудь узнать, – поспешно и очень горячо перебил ее Кайгородцев. – Во-первых, я тебя хорошо знаю. Во-вторых, ты моя подчиненная и тебе не следует вступать со мной в конфликт. В-третьих, ты сейчас от меня зависишь, потому что влипла в историю с Дукельским. И, в-четвертых, ты очень наблюдательная и бесстрашная. Вывела на чистую воду целую банду, которая хотела напасть на инкассаторов.

Глаша всплеснула руками и покачала головой.

– Но почему все-таки не милиция или не частный детектив? – не сдавалась она.

Кайгородцев грустно поглядел на нее.

– Я хочу скрыть от всех одно обстоятельство, – медленно произнес он. – Тебе я его раскрою.

– Какое обстоятельство?

– Сначала скажи: согласна ли ты заняться поисками?

Глаша пристально посмотрела на Кайгородцева. В его глазах была усталая решимость. Он – ее непосредственный начальник и явно не в себе. Наверное, придется хотя бы сделать вид, что она занялась розыском. Ну, не получится у нее ничего, что он сможет сделать?

– Ладно, – сказала она. – Давай свое обстоятельство.

– Глаша, учти: это – тайна. И ты должна хранить ее до тех пор, пока я сам не скажу.

– Клянусь.

– Когда девять лет назад я встретил Сусанну, она... Ну, как бы это помягче сказать? Была девицей легкого поведения.

Глаша разинула рот:

– Ты женился на прости... Прости.

– Зря не договорила. Женился на проститутке. Я влюбился без памяти. Мне было все равно, чем Сузи занималась до нашей встречи. Я решил, что смогу стать для нее счастливым билетом и она будет любить меня вечно.

– И она любила тебя?

– Все девять лет, что мы прожили вместе. А потом стала поить горьким чаем и исчезать по ночам. Я не хочу сообщать

в милицию или, еще того хуже, выворачивать душу перед частным сыщиком. Они обязательно это разгласят. И тогда обо всем узнает Андрей...

– Андрей? Какой Андрей?

– Какой-какой? Нежный!

– Это для тебя он Андрей, а для меня Андрей Васильевич.

– Он узнает и будет... недоволен. Раздосадован. Моя благонадежность, моя добропорядочность уже не станут казаться ему такими уж неколебимыми. Это может разъединить нас. Глаша, что бы ни случилось, он не должен узнать.

– Понимаю...

– Он приглашал нас с Сузи на всякие важные встречи, рауты, на свои дни рождения. Там были очень высокопоставленные люди. Если он узнает про Сузи...

– Послушай, а после свадьбы твоя жена где-нибудь работала? – спросила Глаша и тут же покраснела до ушей. Кайгородцев ничего не заметил.

– Поначалу нигде не работала. Потом пристроилась к подруге в магазин, торговала косметикой. А теперь продает массажеры. Знаешь, такая классическая пирамида, когда один продавец приводит другого и получает за поголовье приведенных какой-то там процент...

– Как «Гербалайф»? – уточнила Глаша.

– Точно.

– У меня подруга влезла в такую же систему, торгует косметикой. По моим наблюдениям, она вкладывает больше,

чем получает.

– Глаша, меня не интересовал размер ее заработка. Она делала все, что хотела. Я пока еще в состоянии содержать семью. Некоторое время назад мы даже подумывали завести ребенка. У меня, если ты не в курсе, двое детей от первого брака, но Сузи тоже хотела ребенка. Хотела, хотела, а потом...

– Начала поить тебя горьким чаем, – закончила за него Глаша. – Петя, – жалобно сказала она. – Ну что я могу сделать?

– Хотя бы поддержи меня, – попросил тот, глядя на нее полными муки глазами. – В конце концов, ты – мой референт. Считай, что я дал тебе поручение.

– А как же типография, буклеты? – пробубнила она.

– Типография, буклеты – это само собой. А Сузи – твоё домашнее задание. А мое домашнее задание – Дукельский.

– Петь, а что, если... – Глаша сверкнула желтыми глазами. – Что, если с твоей женой что-нибудь случилось?

Кайгородцев принялся разглядывать свои ногти.

– Может быть, я монстр, – сказал он, не прерывая своего занятия, – но для меня важно не только *что* с ней случилось, но также *как* и *где* это случилось. Ты меня понимаешь?

Глаша внимательно посмотрела на Кайгородцева. Она всегда полагала, что он классный мужик – и умный, и красивый, и справедливый. А сейчас вдруг подумала, что не хотела бы оказаться на месте его жены.

– Я чувствую себя так, словно выпустил джинна из бутылки, – признался он и поежился. – Никому этого не рассказывал... Глаша, я всецело полагаюсь на тебя.

– Сегодня вечером я сижу с племянником, – вместо ответа сообщила та. – А завтра нам нужно вместе сходить на кладбище. Покажешь мне ту калитку, ладно?

Кайгородцев молча кивнул.

Глаша вышла из кабинета и попала прямо в жаркие объятия Подвойской. Она ходила по приемной и месила воздух вместе с большим белым вентилятором. Над нею тучей висело неодобрение.

– Такого мужика упустила! – накинулась она на Глашу. – В Академии МВД преподает!

– Раиса Тимуровна, – твердо сказала Глаша, – я видела, что ему нравиться вы. Борьба была бессмысленной.

– Я?! – ахнула Подвойская и тяжело опустилась на стул. – Глашечка, ты смеешься над бедной старухой.

Она всегда называла себя старухой, когда хотела, чтобы ее похвалили. Глаша уже собралась хвалить, когда в приемной материализовался Саша Ашмаров. За глаза все звали его Кошмаровым, хотя Саша был весьма приятен на вид. Восток едва проступал в его чертах, но этого было достаточно для того, чтобы сделать лицо неординарным. Сашины раскосые глаза разили наповал, и все пациентки женского пола, побывавшие в центре, обязательно записывались к нему на массаж. Глаша даже предложила Кайгородцеву поместить в го-

товящемся буклете фотографии докторов, считая, что внешность Ашмарова будет особенно действенной рекламой.

– Как жизнь? – спросил Саша, вздернув бровь. – Говорят, Глаша, ты вступила со мной в конкурентную борьбу? Кого ты там заломала на пляже?

– Уже все знают! – пробормотала она.

– Еще бы не знать! Этот тип звонил все утро, поднял на ноги весь медперсонал. Говорит, ты ввела его в заблуждение. Бессовестно обманула, назвавшись доктором, а потом налегла, как мясник на окорок, и выбила ему пару позвонков.

– Вранье! – выкрикнула Глаша. – Я имела доступ к телу как частное лицо! Да и не одни же мы были на этом пляже!

Глаша неожиданно вспомнила, что совсем рядом на большом одеяле отдыхала группа юношей, которые в тот момент лежали под солнцем, как овощи. Не могли же они все одновременно задремать! Значит, кто-то из них мог слышать весь ее разговор с Дукельским. Надо несколько раз съездить на плотину примерно в то же самое время и попробовать отыскать их. Если у нее будут свидетели, Дукельский непременно отвяжется. И Кайгородцеву не надо будет посылать к нему своих мальчиков с угрозами.

Тем не менее Глаша весь день думала вовсе не о Дукельском, а о предстоящих поисках Сусанны Кайгородцевой. Она понятия не имела, с какого боку подступиться к этому делу. Завтра они с Петей посетят кладбище. А дальше? Наверное, надо составить список всех ее подруг, всех родствен-

ников. Мало ли кто что про нее знает? Интересно, Петя хоть кому-нибудь еще сказал о том, что у него исчезла жена?

«А что, если он ее убил? – внезапно подумала Глаша. – Как в кино. Убил и поэтому не торопится обращаться в милицию. Ему нужно, чтобы прошло как можно больше времени. Да, но тогда зачем ему я? Может быть, он хочет проверить, не оставил ли каких-нибудь улики? Если я их найду, он меня тоже шлепнет, а улики уничтожит».

В тяжких раздумьях Глаша посмотрела на часы и ахнула. Брат должен был подвезти Дениску к половине седьмого, а уже без двадцати семь.

– А вот и твоя любимая Глафира! – радостно сообщил Коля десятилетнему сыну, завидев свою сестрицу. – Вылезай, приятель, вам дальше пешком.

Дениска боднул на прощание отца головой в плечо и побежал Глаше навстречу. Он охотно оставался с теткой, потому что она не давила на него, не заставляла есть «как положено» и разрешала смотреть по телевизору все, что он хотел. Даже кино, где целовались и громко стонали.

– Наташа заберет его в половине одиннадцатого! – крикнул Коля из окошка своего старенького, но чистенького «москвичка», как он его называл.

– Ох, Глашка, плохо иметь работающую маму и отца с ненормальным рабочим днем, – пожаловался Дениска.

– С ненормированным, – усмехнулась та.

– Ты не забыла, что у меня скоро день рождения? – неужи-

данно спросил Дениска. Он был такой же рыжий и серьезный, как его мать.

– Не забыла. А что ты хочешь получить в подарок?

– Русско-арабский словарь! – выпалил ребенок.

– Чего-о? – Глаша даже приостановилась. – Зачем это он тебе нужен? Ты ведь арабского не знаешь.

– Ну, вот я и буду учить!

– Миленький, но как ты сам будешь учить? У тебя ничего не получится.

– Я так и знал, – хмуро сказал Дениска. – Меня все отговаривают.

У племянника была настоящая страсть к языкам. Родители оплачивали ему частного преподавателя французского, но мальчишке все время хотелось чего-нибудь экзотического. Он тратил уйму времени на придумывание шифров и секретных кодов, срисовывал надписи с вьетнамских полотенец и, вскрыв на Новый год копилку, приобрел себе в «Библио-глобусе» учебник финского с двумя аудиокассетами.

– Ладно, мы об этом еще с тобой поговорим, – пообещала Глаша. – Куда пойдём?

– За едой! – без колебаний ответил племянник. – Папа накормил меня чем-то ужасным.

– Чем ужасным?

– Не знаю, что это было. Оставшиеся полкастрюли он выбросил в мусоропровод, чтобы мама не увидела. Глаш, а что

это за иероглифы у вас на вывеске?

– Понятия не имею. Наверное, «Я здоров!», только по-китайски.

– У вас что, врачи – китайцы? – оживился ребенок.

– Ни одного китайца, – расстроила его Глаша. – У нас даже точечный массаж делает доктор по фамилии Сидоров.

– Значит, иероглифы – это так, для лохов?

Глаша вынуждена была согласиться, что для лохов.

Они зашли в магазин полуфабрикатов и купили пиццу, которая готовится в духовке. После ужина Дениска уселся смотреть телевизор, а Глаша забралась с ногами на диван и снова стала размышлять о «домашнем задании» Кайгородцева.

Петя совсем не походил на злодея. Но зачем он пытается втянуть ее в дело с исчезновением жены, если не для того, чтобы подставить? Не может же он на самом деле думать, что у Глаши есть детективные способности? И почему он решил, что ей можно доверить конфиденциальную информацию? Да, они работают вместе уже больше двух лет, но никогда прежде Пете не выпадал случай убедиться в неколебимости честного Глашиного слова. Они даже не были приятелями: не пили пиво после работы, не дарили друг другу мелкие пустяки на праздники, не обменивались смешными колкостями в конце рабочего дня. Неужели Кайгородцеву и в самом деле не к кому больше обратиться?

Едва она про это подумала, как зазвонил телефон.

– Глаш, это я, – сказала трубка голосом Кайгородцева. Раздался тяжелый вздох. – У меня мандраж. Давай ты начнешь действовать завтра с утра?

– Ну... Давай, – согласилась Глаша. Больше ей все равно сказать было нечего.

– Приезжай ко мне на кладбище к десяти часам.

– К тебе на кладбище? – дрогнувшим голосом спросила та. – Ты что, уже переселился?

– Я живу рядом, – поспешно поправился Петя. – Рядом с кладбищем. Я же тебе говорил!

– Петь, ну ты вообще! – рассердилась Глаша. – У меня, между прочим, нервы.

– Глаш, у всех нервы, ты, главное, не опаздывай, тебе еще в типографию завтра после полудня.

«Свинья, – подумала она, положив трубку на место. – Уже неделю, как его жена пропала, сев в незнакомую машину темной ночью возле кладбища, а он хладнокровно отслеживает, как идут дела с рекламным буклетом. Вот и выходи замуж за красивых, деловых и непьющих! Думаешь, что он ради тебя готов на все, а ему по плечу только такой подвиг, который не повредит карьере».

2

Ради маскировки она взяла с собой детский набор – пластмассовые грабли, совок и ведерко, из которых Дениска уже «вырос». Если кто-нибудь будет за ней следить, подумает, что она идет прибираться на могилку. Хотя кто может за ней следить?

Кайгородцев недвижно стоял возле центрального входа на кладбище, словно часовой, которому запрещено смеяться, плакать и вообще реагировать на окружающее. Завидев Глашу, он ожил и засуетился.

– Это там, – сообщил он, тыча пальцем в сторону. – Калитка, через которую Сузи проникла на территорию.

Глаша взглянула на него с жалостью и сказала:

– Тогда тронулись.

– А что мы будем делать? – спросил Петя. – Ведь я не отважился войти внутрь и поэтому не знаю, куда, собственно, она ходила!

– Проведем следственный эксперимент, – заявила Глаша. – Сейчас ты постоишь, покуришь и пойдешь от калитки в сторону дома примерно с той же скоростью, с какой шел той ночью. И остановишься там, где остановился, когда услышал шум мотора, договорились?

– Это долго, – предупредил Петя. – Я курил, а потом медленно шел...

– Отлично, делай все, как тогда. В точности все, как тогда!

Кайгородцев перебежал на другую сторону улицы и выжидательно посмотрел на Глашу. Она, в свою очередь, засекала время на часах и сделала отмашку:

– Пошел!

Петя добыл из кармана сигарету и принялся сосредоточенно ее курить. Потом в пыль растер окурки и тронулся в путь, заплетая ногу за ногу. Судя по всему, той ночью домой он возвращался в тяжких раздумьях. Ушел не слишком далеко и снова встал.

Глаша нервно посмотрела на часы. Кайгородцев стоял, сунув голову в куст боярышника, и не двигался.

– Петь! – крикнула она, подходя поближе. – Что ты там делаешь?

Кайгородцев высунул красное лицо из листвы и застенчиво ответил:

– Писаю.

Глаша вытаращила глаза:

– Петя, ты что, очумел?

– Но это ведь я не сейчас писаю, – раздосадованно ответил он. – Это я тогда. А сейчас просто изображаю. Ты сама хотела достоверности.

– Ну... давай действовать более условно. Итак, ты пошел дальше.

– Да. Я был примерно вот тут, когда обернулся и увидел машину. И Сузи, которая выходила из калитки.

– Отлично, – кивнула Глаша. – На все про все ушло четыре минуты. Примерно. Ну, допустим, пять. Две минуты туда, две обратно, одна – там.

– Где там? – с интересом спросил Кайгородцев.

– Не знаю, где. Где-то там, внутри. Пошли скорее.

– А может, одна минута – туда, другая – обратно и три там? – спросил Петя, засовывая руки в карманы.

– Может, и так. Но я думаю, раз твоя жена так быстро вернулась, она, скорее всего, либо что-то где-то оставила, либо взяла. На это не требуется много времени. И потом: ты видел ее достаточно долго, так ведь? Значит, она не свернула и не остановилась, пока была в поле твоего зрения.

Они вернулись к калитке и вошли на территорию кладбища. Сразу за оградой выстроились рядами старые могилы. Редкие из них были прибраны, как подобает. Остальные заросли травой и полевыми цветами. Невдалеке виднелась полуразрушенная часовня, над которой совершали ритуальные полеты черные вороны.

– Значит, твоя жена пошла по этой вот дорожке, да? А с какой скоростью она шла?

– В смысле – в километрах в час? – деловито уточнил Кайгородцев. – Она шла быстро. Ну, конечно, не так, как ездит велосипед...

– При чем тут велосипед?

– В учебниках по алгебре написано, с какой скоростью ездит велосипед. Мы могли бы точно посчитать...

– Петя, успокойся, – похлопала его по плечу Глаша и снова засекала время.

После чего быстрым шагом двинулась по заасфальтированной дорожке, которая убегала вдаль, насколько хватало глаз. Кайгородцев потрусил за ней. Глаша вынуждена была признать, что в сложившейся ситуации он ведет себя как болван.

– Будем считать, – бросила она через плечо, – что Су-санна никуда не сворачивала до самого последнего момента. Стоп! Приехали. Примерно вот досюда она должна была прийти, чтобы уложиться с возвращением. Конечно, ты курил и писал с погрешностями, поэтому давай начнем осматривать территорию с запасом – вернемся немного назад.

– А что искать? – спросил Петя с любопытством.

– Понятия не имею. Что-нибудь. Может, заметим нечто необычное...

Первым необычное заметил Кайгородцев. Пока Глаша лезла между брошенными могилами, он бесцельно бегал туда-сюда по дорожке и нервно курил. Внезапно его хаотичное движение прекратилось, он стал как вкопанный и коротко крикнул:

– А-а!

И схватился за сердце.

– Что такое? – спросила Глаша, повернувшись на его вопль.

– Кара... – пролепетал Кайгородцев и пальцем показал на

одну из могильных плит. – Кара...

– Кара... что? – нетерпеливо спросила Глаша, пытаясь вылезти из зарослей лопуха.

– Ул! – просипел Петя. – Кара-ул!

Закачался на каблуках, закатил глаза и совершенно неожиданно рухнул на землю, показав ласковому солнышку подошвы своих ботинок. Запрыгав козочкой, Глаша тотчас же выскочила на дорожку и бросилась к нему. Судя по всему, Петя был в глубоком обмороке.

– Пульс слабый, дыхание прерывистое, – пробормотала она, ползая вокруг него на коленях. – Руки ледяные.

Она не удержалась и кинула взгляд на могильную плиту, куда только что указывал Петин палец. И тотчас же зажала рот ладонью, чтобы не издать похожий вопль. На могильной плите было написано: «Мультипов Геннадий Викторович». Ниже шли годы жизни и смерти. А наверху... Наверху красовался большой и четкий снимок покойного. Только это был никакой не Мультипов. С могильной плиты на Глашу с победным видом смотрел Петя Кайгородцев и улыбался так, словно только что получил Нобелевскую премию.

Придя в себя, Глаша присвистнула и поднялась на ноги.

– По крайней мере, можно больше не искать, – пробормотала она.

Надо полагать, Сусанна ходила именно сюда. Но что, интересно, означает эта фотография? Глаша подошла к могиле и внимательно огляделась вокруг, уперев руки в боки.

Оградка была низкой и хорошо сохранилась. Кто-то подкрасил ее и даже скосил траву вокруг. Под плитой лежали три увядшие гвоздики, а в могильный холмик был воткнут маленький колышек.

«Может быть, это знак? – подумала Глаша. – И там что-нибудь зарыто?» Убеждая себя, что гроб глубоко в земле и, если немножко покопаться сверху, то ничего ужасного не случится, она достала пластмассовый совок, вытащила колышек и принялась рыть на этом месте ямку. Тщетно – там ничего не было. Но поскольку других версий не возникло, она продолжила раскопки, раскидывая вокруг себя мягкие рассыпчатые комья. Внезапно совок ткнулся во что-то твердое. Глаша запустила в вырытую яму руку и нащупала нечто холодное, покрытое тканью.

Волосы у нее на голове зашевелились, и как раз в этот самый момент возле ее уха раздался голос:

– Ага! Вот ты и попалась!

И чья-то ладонь легла ей на плечо.

Глаша взвизгнула и закрыла голову грязными руками.

– Я же говорил, Павел Геннадьевич, что они сюда направились с умышленной целью! – торопливо сообщил еще один голос.

– С предумышленной, – важно поправил невидимый Павел Геннадьевич. – Вот, значит, они какие – осквернители могил!

Глашу потащили за шиворот вверх. Она наконец увиде-

ла, кому попалась. Павел Геннадьевич оказался милиционером при полном параде с большим тяжелым животом, похожим на рюкзак с камнями. Притащил же его сюда маленький хлипенький мужичонка с приבלатненными бачками. Взгляд у него был липким, а рот красным и мокрым.

Глаша оглянулась и увидела, что Кайгородцев по-прежнему лежит на дорожке, не подавая признаков жизни.

– У него чего, тепловой удар? – перехватив ее взгляд, спросил милиционер.

– Он в обморок упал, гражданин начальник, – заискивающе сказала Глаша. – Увидел себя на фотографии и ку-ку! Вот, посмотрите: видите?

Павел Геннадьевич приблизил красную морду к фотографии, потом, тяжело ступая, двинулся к Пете.

– Одно лицо, – удивленно сказал он. – Так вы, выходит, не оскверняете? – Голос его стал нежным. – Выходит, тут у нас самостийное захоронение! Во-от вы зачем тут рылись! Хотели покойничка бесплатно похоронить!

Глаша отряхнула руки и насмешливо сказала:

– Ага, с помощью пластмассового совка.

Маленький, прыгавший вокруг, сварливо заметил:

– А чего? Во какую ямищу уже вырыла!

– Опять же – фотографию приладила заранее, – подхватил Павел Геннадьевич.

– И покойника к могилке за ручку привела! – добавила Глаша.

Павел Геннадьевич задумчиво посмотрел на Кайгородцева и почесал складчатый затылок.

– М-да...

Петя тем временем начал приходить в себя. Он слабо застонал и дернул левой ногой.

– Да он и не покойник вовсе! – крикнул красноротый, всплеснув руками.

– Живьем хотела захоронить?! – ахнул милиционер. – Кто он тебе – муж?

– Начальник, – обреченно ответила Глаша.

– Во, бабы пошли! – процедил маленький. – Начальников живьем в землю закапывают.

– Правильно, – кивнул милиционер. – Она заранее выбрала место, вставила фотографию...

– И для чего же я ее вставила? – с нехорошей улыбкой поинтересовалась Глаша.

– Чтоб не забыть – куда, значит, закопала, – нашелся милиционер. – Обманом заманила шефа к могилке, нанесла удар по мозговым центрам – орудие преступления мы еще найдем – и стала рыть.

– И чего же я его на дорожке-то стукнула? – ехидно спросила Глаша. – А не прямо на могилке? А?

– Ну... Догадался он о твоём преступном замысле. Пришлось изменить план по ходу дела.

Кайгородцев принял сидячее положение и двумя руками схватился за голову.

– Не волнуйтесь, гражданин, вы в безопасности! – заявил милиционер и потребовал: – Предъявите ваши документки.

– Кто? Что? – слабым голосом спросил Петя и встал на четыре конечности. – Меня похоронили! Боже мой! – простонал он, словно собака, продвигаясь к разрытой могилке.

– Еще не похоронили, гражданин, – обрадовал его Павел Геннадьевич. – Мы успели вовремя.

– Поспевают груши, сержант, – ехидно заметила Глаша, с сочувствием глядя на Кайгородцева, который впился безумным взглядом в свою фотографию. – Кстати, там, в могиле, что-то лежит.

– Неужели? – фыркнул милиционер. – Я даже знаю что. Гроб с покойником!

– Да нет, оно прямо сверху лежит, – уперлась Глаша.

Милиционер, в душе проклиная свой живот и кряхтя, словно роженица, сел на корточки и полез короткопалой лапой в вырытую яму. Приложив нечеловеческое усилие, он крякнул и выдернул из земли обернутый тряпкой кирпич.

– А вот и орудие преступления! – радостно сообщил он. – Вот чем, гражданин, вам по голове чпокнули!

Глаша с досады только махнула рукой. Потом подошла к Кайгородцеву, помогла ему подняться на ноги и сказала:

– Петь, ты только не волнуйся. Мы все выясним. Видишь, здесь прибрано. Значит, за могилой кто-то ухаживает.

– Это она, Сузи! – простонал тот и закрыл глаза ладонью.

– Да нет, Петь, вряд ли. Тебя же в могиле нет, зачем Су-

санне время тратить?

– Она... Она приходит сюда, чтобы представить меня мертвым! – вскинулся Кайгородцев. – Это такая техника умерщвления. Она думает обо мне как о покойнике, поэтому в ближайшее время со мной случится что-нибудь страшное.

– Петь, перестань, – рассердилась Глаша, хотя ей тоже было несколько не по себе. – Я имею в виду, что у этого... – она посмотрела на надпись, – Мультипова могут быть родственники. Кто-то ведь ухаживает за могилкой!

– Ну, я, – неожиданно сказал маленький красноротый тип, выступая вперед. – Я ухаживаю за этой могилкой. Я тутошний, кладбищенский.

Он упер руки в боки, будто собирался сию секунду пуститься в пляс, и даже ножку выставил носком вперед. Глаша и Кайгородцев быстро переглянулись.

– Вы что – Мультипов? – изумились они хором.

– Не-а, Прямоходов я. Просто мне один мужик деньги дает. Раз в полгода. Половину даст сначала, половину потом, чтоб я, значит, интерес имел.

– И цветочки, – Глаша мотнула головой в сторону гвоздик, – тоже вы покупаете?

– Ну, не то чтобы покупаю, – пробормотал тот. – А что?

Милиционер стоял рядом, сопел и внимательно слушал. Кирпич все еще был у него в руке.

– И когда ваш мужик в последний раз появлялся?

– Да вот, в июне появлялся. Теперь только в ноябре при-

дет.

– А как он представился?

– Как Мультипов, ежу ясно!

– А выглядит он как? – не давала ему опомниться Глаша.

– А вам зачем? – прищурил глаз Прямоходов.

– Нам *очень надо*, – с нажимом сказал Петя.

– За «очень надо» люди деньги плотют.

Глаша повернулась к Кайгородцеву и шепотом сказала:

– Петь, заплати ему. И милиционеру заплати, а то он нас привлечет как осквернителей могилы. Припишут какое-нибудь трупоедство...

Петя вздрогнул и торопливо добыл из кармана бумажник. С бумажником в руке он понравился парочке блюстителей кладбищенского порядка гораздо больше. Спрятав торжественно врученную бумажку в карман, милиционер отбросил кирпич в сторону и велел Прямоходову:

– Убери тут все, а я, пожалуй, пойду. Дежурство у меня.

Голос его звучал нормально, и глаз в прожилках, похожих на реку Амазонку с притоками, он больше не щурил подозрительно.

– Так все-таки – как он выглядел? – снова спросила Глаша, придвигаясь к Прямоходову.

Тот принялся живописать внешность родственника Мультипова, но толком так ничего и не сказал. То он оказывался у него высоким, то средним, то «чуть выше меня». С волосами неопределенного цвета, с расплывчатыми чертами лица

и «средним» голосом.

– В подпитии я был, – смущенно сообщил Прямоходов. – Если честно, мне вообще показалось, что их двое.

– Двое Мультияповых? – опешила Глаша.

– Да. И оба совершенно одинаковые! Может, близнецы?

– А в первый раз он один приходил?

– В первый раз один, – важно кивнул рассказчик. – А последний раз, думаю, все же вдвоем.

– А деньги они тебе как платили? По очереди?

Прямоходов собрал глазки в кучку, немного подумал и заявил:

– Одновременно. Оба полезли в правый карман, оба достали деньги, и оба подали.

«Господи милостливый, для чего ты придумал пьянство?» – подумала Глаша и надвинулась на Прямоходова:

– А фотография вот эта когда на могилке появилась?

– Да она тут всегда была!

– Именно эта?

– Да я... не присматривался. Хотя... Вроде как... Может, оно и так... В апреле, когда я тряпочкой евонную морду протирал, он вроде как с усами был, покойник-то. Вы у него спросите, у покойника-то, – он кивнул головой на Петю. – Усы он не сбривал?

Кайгородцев побледнел и схватился за сердце.

– Все, Петь, пойдем, – взяла его за локоть Глаша. – А то ты и впрямь тут коньки отбросишь.

Перед тем как покинуть юдоль скорби, Глаша написала на листочке свой домашний телефон и вручила его Прямоходову.

– Если вспомните хоть что-нибудь, я уж не поскоплюсь.

– Глашенька, что все это значит? – испуганным голосом спрашивал Кайгородцев, подлаживаясь к ее мелким шажкам. – Это какой-то заговор против меня? Может, колдовство? Вуду?! А? Ты что-нибудь знаешь про вуду?

Кайгородцева сотрясала крупная дрожь. Два года назад Глаша попала в самолет, у которого засбоил мотор, и он совершил аварийную посадку черт знает где. Перед посадкой самолет трясло точно так же, как сейчас ее начальника. Чтобы успокоить его, Глаша сказала:

– Ты что, Петь, с ума сошел? Какое вуду? Вуду только на негров действует. Это их, негритянские, фишки.

– А я слышал, что они везде, по всему миру... Мастeryт таких куколок из соломы или из воска, втыкают в них булавыки...

– Тебя обманули, – твердо заявила Глаша. – Лучше скажи, когда Сусанна стала поить тебя горьким чаем. Когда это началось?

– Ну... Когда? Весной. Где-то в марте. Эх, Глаша, надо было мою фотографию с памятника соскоблить!

– Не надо, – сердито ответила та. – Вдруг это заговор и мы спугнем преступников? Сначала следует выяснить, зачем все это было сделано.

– Глаш, ты такая умная! – восхитился Кайгородцев и добавил: – У меня там машина, у главных ворот. Я тебя подброшу до метро. Ты не забыла, что тебе еще в типографию?

Едва очутившись за воротами кладбища, Кайгородцев перестал трястись, а когда сел за руль своего «Фиата», окончательно пришел в себя.

– Жаль, что нельзя напиться в ботву, – заявил он и добавил: – Ты, Глаш, там, в типографии, проверь все как следует. Цветоделение чтоб на уровне. Ну, тебе не впервой!

«Не надо было его разубеждать насчет вуду», – подумала Глаша, дрогнув тонкими ноздрями. Кайгородцев определенно нравился ей больше, когда боялся.

* * *

В типографии она быстренько закруглилась с делами, но вместо того, чтобы возвратиться на работу, отправилась на тот самый пляж, где познакомилась с Дукельским, корова его забодай. Время было как раз то самое, правда, день не выходной. С другой стороны, парни, которые ее интересовали, – школьники или студенты. А у них сейчас каникулы.

Школьники или студенты возлежали на том же самом месте, на том же самом одеяле, которое Глаша очень хорошо запомнила. Одеяло было детское, синее с зайчиками, в прошлый раз оно навеяло на Глашу грусть. Пришли мысли о пролетающих годах, неудачных попытках выйти замуж, о де-

тях, которые у нее могли бы быть. В общем, одеяло и было виновато в том, что она привязалась к Дукельскому. Он показался ей симпатичным, радикулитчик хренов.

– Добрый день, молодые люди! – сказала Глаша, остановившись над лежащими на одеяле. Она постаралась сказать это добрым голосом, но молодые люди все равно страшно напряглись.

Их было четверо – голоногих, волосатых, прыщавых и комплексующих. Они вскинули головы и уставились на нее, не моргая. Только один произвел на Глашу приятное впечатление: у него и фигура была ничего, и во взгляде читалась некая взрослая самоуверенность. К нему-то Глаша и обратилась в первую очередь.

– Может быть, вы меня помните?

Юноши переглянулись и напряглись еще больше.

– Не-ет, – протянул один, усеянный веснушками с головы до ног.

– А что было-то? – спросил второй, подобравшись.

– Да ничего, ничего! – Глаша почувствовала себя молодой учительницей, которую коварная директриса засунула в самый шальной десятый класс. – Вы, ребята, не беспокойтесь. Просто я тут с вами рядом загорала в субботу. Помните? Вот тут я лежала, на полотенце. Купальник у меня в клеточку.

– Я не помню, – сказал веснушчатый.

– И я, – подтвердили двое его приятелей.

«Вот, докатилась! – подумала Глаша. – Мне всего трид-

цать пять, а для студентов я уже – пустая порода. Шлак. Они на меня даже внимания не обратили. Софи Лорен скоро семьдесят, а за ней мальчишки гоняются, как слепни за поцарапанным пальцем. Надо немедленно договориться с Кошмаровым о серии грязевых обертываний».

– А вот я вас помню, – неожиданно сказал тот из четверки, который сразу произвел на Глашу приятное впечатление.

У него были широкие скулы, твердый подбородок и смелые зеленые глаза под сбитой набок челкой. Наверное, девицы избаловали его вниманием, оттого он и держал себя свободно с незнакомой женщиной.

– Простите, как вас зовут? – улыбнулась ему Глаша, решив не тратить силы на остальных.

– Виктор Стрельников, – охотно сообщил тот.

– Вы наверняка уже студент, – польстила ему Глаша.

– Да, перешел на второй курс. А что?

Витя Стрельников поднялся на ноги, оказавшись на голову выше Глаши.

– Значит, память у вас хорошая.

– Вы что, из милиции? – испуганно спросил кто-то из оставшейся на одеяле тройки нервным голосом.

– Да вы что? Какая милиция? – рассмеялась Глаша. – Я референт в медицинском центре.

– Я знаю, – сказал Витя. – Я слышал, как вы говорили это тому типу, который рядом с нами пасьянсы раскладывал.

Глаша страшно взволновалась, но постаралась сдержать

ликование.

– Из-за него я сюда и пришла, – с милой улыбкой сообщила она. – Знаете, что он придумал?

– Что? – заинтересовались студенты. Теперь уже они все приняли вертикальное положение и стояли перед ней, не зная, какую принять позу. Глаша была в летнем костюме, а они почти голышом, это их смущало и даже немножко злило.

– Он сказал, будто бы я представилась ему врачом, предложила сделать бесплатный массаж и выдавила пару позвонков. Теперь он собирается получить инвалидность, а меня засадить в тюрьму.

– Да вы что, серьезно? – спросил Витя Стрельников, расширив глаза. – После того как вы ушли, он два раза купался, а потом играл в волейбол с телками.

– Я тоже видел, – неохотно признался веснушчатый.

– Ой, ребята! – Глаша прижала руки к груди. – Вы меня так выручите, если сможете все это подтвердить! Возможно, конечно, удастся поставить этого гада на место другими способами... Но мне бы хотелось подстраховаться. Я могу как-то с вами связаться? Обещаю, что сделаю это только в крайнем случае.

– Я дам вам свой телефон, – предложил Витя Стрельников, без всякого стеснения улыбаясь Глаше. Улыбка у него была простой и приятной. – А вы мне свой, хорошо?

– Конечно! Вот домашний, а вот рабочий. На работе я обычно до семи.

Глаша так обрадовалась, обнаружив свидетелей, что готова была расцеловать каждого студента в отдельности. Может, заплатить им? Студентам всегда живется плохо. Молодость пожирает не только здравый смысл, но и деньги в невероятных количествах. Впрочем, говорить сейчас о деньгах было уже как-то неудобно. «Вот если придется свидетельствовать против Дукельского, тогда предложу им вознаграждение», – твердо решила Глаша.

* * *

– Дукельский может поцеловать меня в зад! – сообщила она Кайгородцеву, ворвавшись к нему в кабинет.

И тут увидела Нежного. Он сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Сидел и располагал к себе. Несмотря на дорогой костюм и умопомрачительно дорогие ботинки. Просто лицо у него было таким – располагающим. Несмотря на тернистый путь к достатку, его глаза не казались убитыми, как у большинства хозяев жизни, – они были живыми, любопытными и улыбались очень празднично.

– Ой! – пискнула Глаша. – Добрый день, я очень извиняюсь... Попозже зайду.

– Ничего-ничего, – всем корпусом обернулся к ней Нежный. – Вижу, у вас важная информация? Не стесняйтесь, дайте ее всю.

– Да?

– Еще раз, Глаша, и с чувством, – усмехнулся Кайгородцев.

– Дукельский может поцеловать меня в зад, – с расстановкой повторила та. – Он у меня в кармане.

– Кто такой Дукельский? – тут же поинтересовался Нежный.

«Интересно, у него глаза такие синие или это контактные линзы? – с любопытством подумала Глаша. – Цвет очень подходит к черным волосам. Хотя, может, у него и волосы пересаженные? Ему лет сорок с гаком. У половины мужчин этого возраста голова похожа на просиженный диван».

– Кто такой Дукельский? Это так... Просто рабочий момент, – не захотел рассказывать Кайгородцев и поглядел на Глашу со значением. Мол, ты не забывай, что я тебя покрываю. И меня не выдай.

«Что у этих мужиков за дурацкая дружба? – раздраженно подумала Глаша. – Один – хозяин, другой – наемный работник. Петя даже боится сказать ему, что Сусанна пропала. Дабы не бросить тень на подножье монаршьего трона».

– Хорошо, Глаша, я все понял, – кивнул Кайгородцев и отпустил ее одним росчерком руки в воздухе.

Она уже хотела было ретироваться, когда Нежный неожиданно ее остановил:

– Глашенька, а Петя вас очень хвалит.

– Да? – с глупой улыбкой спросила она, не зная, как на это реагировать.

– Да, я не обманываю – очень хвалит. Я даже подумал: может, сманить вас на другую работу?

– Какую? – продолжая улыбаться, любопытствовала она.

– Пойдете ко мне секретаршей?

– А у вас же Аня Волович!

– Аня больше со мной не работает, – вздохнул Нежный.

Как и все в центре, Глаша слышала сплетни, будто Аня Волович не просто секретарша босса. Или, вернее сказать, не совсем секретарша.

– Ну... Я подумаю, – неопределенно сказала она и дернула на себя дверь. – До свидания!

Выскочив в приемную, Глаша выдохнула:

– Фу-у! Почему вы, Раиса Тимуровна, не сказали мне, что у директора Андрей Васильевич?

Подвойская пожала могучими плечами и, уставив глаза в разбросанные по столу бумажки, ответила:

– Я подумала: а зачем говорить? Лишний раз попасться на глаза начальству никогда не помешает. Особенно девушке, у которой нет мужа или, по крайности, *человека*.

Глаша закатила глаза. Раиса Тимуровна мечтала найти ей *человека* с тех самых пор, как та пожаловалась на личное одиночество. Какой такой бес дергал ее тогда за язык? Эх, да что говорить! Отмечала вместе с коллегами Восьмое марта, нализалась и принялась себя жалеть. «Лучше бы я тогда свалилась под стол и затихла до утра», – думала она, глядя

на Подвойскую. Впрочем, роптать было бессмысленно. Это только распаляло Раису Тимуровну.

Когда Глаша уже собиралась уходить, в приемной зазвонил телефон.

– Алло! – грудным голосом ответила Подвойская. Потом сделала большие глаза и, прикрыв трубку ладонью, сообщила: – Глаша, это тебя. Какой-то молодой человек!

– Ну да! – не поверила Глаша. – Может, брат?

– Фи, – пробормотала Раиса Тимуровна. – Голос твоего брата я знаю, как голос своего брата. Держи скорее.

Глаша взяла трубку и сильно прижала к уху, надеясь, что так Раиса Тимуровна ничего не услышит.

– Глаша? Здравствуйте, это Виктор Стрельников. Мы сегодня разговаривали на пляже...

– Да, Витя, я помню, конечно, – зачастила Глаша, проглатывая окончания. – Вы хотите мне что-то сказать?

– Да. Я рассказал о нашем разговоре отцу, он отрицательно отнесся к тому, чтобы я давал показания в суде.

– В каком суде, Витя? – воскликнула Глаша. – Нет еще никакого суда. Просто этот тип, его фамилия Дукельский, угрожает нашему директору. Я всего лишь хочу сказать ему, что у меня есть свидетели. И он тогда отвяжется. Я вам заплачу!

– Это же будет подкуп! – обиделся честный Витя.

– Подкуп – это когда вы свидетельствуете о том, чего не было на самом деле. А в нашем случае деньги будут всего

лишь благодарностью за потраченное вами время. Так поступают все цивилизованные люди.

– Знаете что? – почти сдался цивилизованный Стрельников. – Давайте все обсудим. Назначайте встречу.

– Назначайте вы.

– Нет, ну вы же женщина!

– В каком районе вы живете, Витя?

– В смысле метро? На «Петровско-Разумовской».

– Значит, мы с вами соседи, – обрадовалась Глаша. – Знаете кафе-мороженое «Крем-брюле»?

– Конечно. Когда я был маленький, отец водил меня туда.

«Когда я был маленький... – про себя усмехнулась Глаша. – Года три назад?»

– Завтра в восемь вечера вас устроит?

– Заметано.

Глаша положила трубку и утерла пот со лба.

– Как же трудно с молодежью! – пожаловалась она Раисе Тимуровне. – Они какие-то не такие. Какие-то другие.

– Глашечка, тебе рано отделять себя от молодежи! – всплеснула руками та.

– Ага, ага. То-то я смотрю, вы меня сватаете только тем, кто пришел выводить старческие пигментные пятна.

– Неправда! Я пускаю в работу весь материал, который попадает мне в руки! Просто о здоровье обычно заботятся те, кто его уже потерял.

После работы Глаша должна была ехать к подруге Лиде. Два месяца назад Лида познакомилась с неким таинственным Жорой, о котором постоянно рассказывала ей по телефону. Она ахала, причмокивала губками, но кто он, этот Жора, не сообщала и не хотела его показывать. «Сглазить боюсь, – шепотом говорила она. – Вот пройдет немного времени, тогда...»

Вероятно, час «икс» настал. Лида потребовала, чтобы Глаша пришла на ужин.

– Но почему в будний день? – заныла та.

– А что тебе делать после работы? – удивилась Лида.

– Может быть, я собираюсь искать свое личное счастье! – заявила Глаша.

– Где?

– Откуда я знаю, где? Где-нибудь.

– Искать ничего не нужно, – возразила Лида. – Личное счастье следует ковать! Приезжай, я обучу тебя секретам мастерства.

Когда Глаша позвонила в дверь, ей открыла незнакомая девушка. Вернее, Глаше так показалось, что незнакомая и что – девушка. Лишь спустя несколько секунд она сообразила, что это ее подруга. Да и то лишь потому, что та подала голос.

– Глаха, наконец-то! Мы с Жорой уж и заждались!

Это была жутко странная Лида, постриженная под солдата. От настоящего солдата ее отличала лишь стоящая дыбом челка, часть которой была выкрашена в оранжевый цвет. Довершали новый облик тесное мини-платье и татуировка на плече в виде змеи.

– Что ты с собой... – начала Глаша, но тут в коридоре появился Жора.

Он был здоровый, как лесоруб, мордастый, зубастый и... молодой. Глаша дала бы ему от силы года двадцать два. Одет был Жора в скрипучие кожаные штаны и футболку с надписью «*I am all attention!*» – «*Я весь внимание!*»

– Салют! – басом сказал он, сложив ручки на животе. – Ты Лидусина подружка? А я ее новый друг.

– Очень рада знакомству! – пробормотала потрясенная Глаша.

– Ну вот! А Лидуся говорила, ты не хотела приходить. А я парень компанейский. И обещаю, что будет весело.

– Мне уже... весело, – мертвым голосом ответила Глаша.

– Жора, иди включай музыку, зажигай свечи, а мы с Глахой через пять минут принесем еду.

Сияющий Жора удалился, а Лида ткнула подругу в бок:

– Ну? Что? Тащишься?

– Да, – сказала Глаша. – Тащусь. Надеюсь, ты не попросила Жору привести с собой друга?

– Нет, ну что ты? В твоём нынешнем виде друга тебе не

потянуть. Кстати, Жора тебе понравился?

– Можно сказать и так, – кивнула Глаша. – По крайней мере, теперь я точно знаю, как выглядит кризис среднего возраста.

Лида хихикнула и потащила подругу на кухню.

– Все уже готово, осталось только достать из духовки мясо, а из холодильника салатки, – заявила она, взмахнув руками.

Только тут Глаша заметила ее длинные темно-синие ногти. Такими ногтями эффективно можно было только царапаться. Делать же что-нибудь по хозяйству – категорически нет.

– Это как же ты готовила? – с любопытством спросила она.

– Нормально, – пожала плечами Лида. – Я привыкла и отлично справляюсь. Тебе тоже нужно немедленно купить укрепляющую жидкость. Женщина без длинных ногтей – все равно, что любовь без секса. Посмотри, какая прелесть!

Она еще раз показала, какая прелесть у нее ногти, и вручила Глаше блюдо с нарезанной ветчиной.

Ужин проходил и в самом деле весело – фоном шло пение Мэрлина Мэнсона, от которого у Глаши желудок сворачивался рулетом. Жора рассказывал сальные анекдоты из дешевых сборников и ржал так, что у Лидино попугая дрожал хохолок на голове. Глаша решила, что, пожалуй, стоит выпить. После полбутылки вина она наклонилась к Лиде и шепотом спросила:

– Сколько ему лет?

– Двадцать, – тоже шепотом ответила Лида.

– Он тебе не пара.

– Ну конечно! Классика жанра. У старой брюзги вместо сердца – мозги. Сейчас ты попытаешься разрушить наши отношения.

– Не буду я ничего рушить! – обиделась Глаша на «брюзгу».

– Займи лучше позитивную позицию – сделай так, как я. Выбери себе юношу и очаруй его! Для этого, конечно, придется изменить внешний вид. О! Глаха, я придумала! Ты купишь у меня омолаживающий крем!

– Господи, как ты мне надоела! С тех пор как ты вступила в торгующее братство, ты не можешь ни с кем спокойно общаться, даже со мной – все время что-то впариваешь!

– Да ладно, не бурчи. Я тебе со скидкой продам!

Лида кинулась к комоду и достала из него чемоданчик, забитый китайской косметикой.

– Гляди, что тут – крем на серебре, крем на золоте, на травах, на фруктах...

– Ни за какие деньги, – твердо сказала Глаша. – Это все мухлеж.

– Глаха, ты просто дура. Ты видела вблизи китайнок? У них лица гладкие, как детские пятки!

– Уж конечно, не от твоей косметики.

– Давай ты сейчас помажешься, а завтра мне скажешь –

мухлеж или не мухлеж.

Лида выхватила из чемоданчика коробочку и вытряхнула из нее баллончик с кремом. Вместе с ним оттуда выпал вкладыш, испещренный иероглифами. Вкладыш был яркий, желто-красный, глянцевого цвета.

– Слушай, подари бумажку! – попросила Глаша. – Для Дениски надо. Он обожает все эти письма. Кстати, у него день рождения скоро. Я ему, наверное, в качестве подарка оплачу курсы японского или китайского. Он будет на седьмом небе от счастья.

Лида вручила Глаше несколько вкладышей, которые та спрятала в сумочку, а потом принялась за ее лицо.

– Сначала чистим, потом протираем лосьоном, потом накладываем крем. Глашка, ты должна словить кайф. Я сама этой косметикой пользуюсь и чувствую себя очаровательной. Видишь, даже молоденький Жора на меня клюнул.

– Давай спросим, что Жору в тебе особенно очаровало, – не без ехидства предложила Глаша, когда экзекуция была закончена.

Лида сверкнула подведенными глазами и обернулась к своему приятелю.

– Жорик, – пропела она голосом Лисы Патрикеевны, – скажи, за что ты меня полюбил?

Жорик курил и, прикрыв глаза, подпевал Рикки Мартину:

– Ши ливин ла вида лока-а!

– Жорик! – гавкнула Лида.

– А? – Он встрепенулся и открыл глаза. Лицо у него было широким и сияющим, как серебряный поднос.

– Я спрашиваю, Жорик: за что ты меня полюбил?

– Даже не знаю, – тот потрепал ее по плечу. – За все понемногу. Хотя я вообще люблю поживших женщин.

Лида остекленела, а Глаша повалилась на диван и принялась хохотать.

– А что? – не понял Жора. – Тебе же тридцатник, не меньше, да, Лидусик? За это ты мне и нравишься.

– Жора! – спросила Глаша, кое-как успокоившись. – А Лидина одежда и эти ногти... тебе как?

– Нормально. Я чувствую, что она – своя. Мы с ней на равных. Она, например, тоже любит «Раммштайн».

– Это мотоцикл, что ли? – с любопытством спросила Глаша.

– Да ты че, старуха, о-фи-ге-ла? – всплеснула руками Лида. – Это группа такая!

Она подняла согнутую в локте руку и пропела:

– Раммштайн, ту-ду-ду! Ду хаст михь... Ду хаст михь...

– Лида, ты должна была давно сказать мне, что тебе одиноко.

– Зачем? – спросила Лида. – Чтобы ты поплакала вместе со мной? Ду хаст михь гефрагт!

– Я бы тебя морально поддержала.

– Давай лучше я тебя морально поддержу. Так будет правильнее. Потому что у меня есть любовник, а у тебя нет.

– Я тоже могу заарканить молодого! – расхорохорилась Глаша. – Вот у меня завтра встреча со студентом. Правда, деловая, но я могу сделать так, чтобы она превратилась в личную. Я чувствую, что ему понравилась.

– Что за студент? – заинтересовалась Лида. – Расскажи подробнее.

Глаша поведала всю историю с Дукельским и закончила:

– Давай, спроси у Жоры, что мне нужно, чтобы завладеть вниманием молодого парня.

Припертый к стенке Жора сказал:

– Во-первых, нужен пирсинг.

Глаша мгновенно напряглась:

– Кто такой Пирсинг? Модельер? Наверное, из дорогих?

Лида закатила глаза:

– Глаха! Ты дремучая, как сосновый бор! Мне даже за тебя стыдно. Пирсинг – это когда тебе прокалывают кожу или хрящ.

– Зачем это? – оторопела Глаша.

– Чтобы вдевать в получившиеся отверстия кольца, палочки и гвоздики. Такой боди-арт. Не знаешь, что ли?

– А! Это когда в ухе по шесть сережек, а в пупке пуговка? Знаю, знаю! Но мне это не подойдет.

– Пирсинг – это секси! – сообщил Жора, заедая сыр рыбой. Весь вечер он ел, не останавливаясь. Большое тело активно радовалось большому куску.

– Я себе тоже сделаю! – загорелась Лида. – Хочешь, Гла-

ха, завтра вместе сходим в салон? Всего-то пятьдесят баксов. Могу дать займы.

– Нет уж, – отказалась Глаша. – Свои хрящи я хочу поберечь на всякий случай. А... кроме пирсинга есть еще... что-нибудь, на что следует обратить внимание? – спросила она. – Чтобы молодые приняли меня за свою?

– Прикид, – пожал плечами Жора, забрасывая в пасть горсть маслин. – Владение слэнгом.

– Знаешь какие-нибудь фишки? – поинтересовалась Лида. – Молодежные?

– Знаю.

– Например?

– Ну... Например... *Все пучком*, – неуверенно произнесла Глаша. – *Сиди на попе ровно*.

– Это сильно, – ухмыльнулся Жора. – Но устарело.

– Может, вы мне подиктуете? – заискивающе спросила Глаша, нашарив рукой огрызок тетрадного листа, лежавший на подоконнике. – А я запишу? Что-нибудь эдакое...

– Давай лучше ты перетаскаешь на кухню грязную посуду, а я тебе из Интернета что-нибудь скачаю? – предложила хитрая Лида.

Через полчаса в руках у Глаши оказалось несколько страниц, густо запечатанных убористым текстом.

– *Девушка*, – прочитала она. – *Герлушка, жаба, василиса. Гнобить – надоедать нотациями. Рот – калитка, варезка, хавало*. Лида, я вряд ли сумею так разговаривать!

– Выучи несколько словечек и просто вставляй их в разговор. Давай, попробуй, ну!

– Жора, – обратилась Глаша к ее приятелю. – У тебя до знакомства с Лидой была герлушка?

Лида с любопытством поглядела на своего приятеля, но тот только ухмыльнулся.

– Давай, – подбодрила его Лида, – перестань совать в хавало огурцы и колись.

– Была, конечно, – пожал плечами Жора. – А что?

– А сколько ей было лет? – тут же спросила Лида.

– Шестнадцать, а что?

– Ничего, – злобно ответила та и налила себе рюмку водки.

Жора продолжал есть, а Лида стала к нему цепляться. Следующие полчаса милые ругались, потом принялись мириться. Процесс примирения сопровождался поцелуями и интимными признаниями, так что Глаша краснела, как юная медсестра, после чего поторопилась смыться. Слегка покачиваясь, она выползла на улицу, держа в руках небрежно сложенные листы.

Почему бы действительно не закадрить студента Витю? Просто чтобы доказать себе, что она еще ого-го. Это будет приятно. И Раиса Тимуровна отвяжется раз и навсегда со своими рысаками преклонных лет.

3

– Глаш, ты же обещала к среде сделать распечатки и размножить! – выговаривал ей на следующее утро Лева Бабушкин. – Мне же не с чем работать, золотая моя!

«Золотая моя» означало, что Лева жутко рассердился. Он был очень корректный, и все его ругательства со стороны выглядели безобидно. Пациенты Леву любили. Он обладал располагающей внешностью – приятная полнота, очки, славный румянец. Кроме того, Лева был дружелюбен и вежлив со всеми без исключения. В редкие минуты гнева или раздражения у него отчего-то краснел нос.

Вот и сейчас нос у Левы сделался клубничным. Не зная, как оправдаться (а оправданий у нее не было ровным счетом никаких), Глаша пробормотала:

– Левушка, ты понимаешь, я была занята другим делом. – Она решила все свалить на Кайгородцева, не раскрывая, впрочем, сути дела. – Мне Петя, – она понизила голос, – доверил одно расследование. Я ведь в этом деле человек опытный.

– Да! Прямо можно идти и наниматься в Интерпол, – сердито сказал Лева. – Глаш, ну какое расследование? Будешь искать удравшего директорского кота? Или, может, у него пропала подушечка для печатей?

– Вот и зря ты смеешься, – надулась Глаша. – Все очень

серьезно.

Бабушкин, однако, не поверил, что все серьезно, и издал тяжкий вздох.

– Я завтра принесу распечатки! – горячо пообещала Глаша.

– Ладно, – махнул тот рукой и неожиданно заинтересовался: – А что это у тебя за бумаги?

– Это... Это личное, – подобралась Глаша. Она с самого утра заучивала словечки, которыми молодежь обогащала «великий и могучий».

Кое-что запомнилось очень легко. Выражения «гнать пургу» или «выпасть в осадок» были ей понятны и где-то даже близки. Но в импровизированном словаре попадались такие словечки, как «дрюкер», «хагены», «берлять». Они ставили Глашу в тупик. «Может быть, – думала она, – Жора преувеличил значение слэнга? Может быть, вовсе не обязательно пользоваться этим обезьяньим языком?» Однако других консультантов у нее не было. Подвойская, которая жуть как любила давать советы, давно вышла из эпатажного возраста и вряд ли знала что-то такое, что могло поразить воображение Вити Стрельникова.

Модный «прикид» лежал в большом пакете под рабочим столом, и, когда Глаша задевала его ногой, ей становилось откровенно не по себе. Джинсы, отделанные голубым кружевом, и короткая кофточка на одной пуговице станут ее боевыми доспехами. Там же, в отдельной коробочке, лежала дю-

жина заколок для волос, которых, как предупредила Лида, должно быть обязательно много. Ударной вещью Глаша считала и маленькую серебряную сережку в виде колечка, которой она решила прищепить себе нижнюю губу. Как будто бы это пирсинг. Но без дырки. «Вечер прохожу, никто ничего и не заметит», – подумала она и поглядела на часы.

До встречи оставалось не так уж много времени. Глаша рассчитывала уйти из центра последней, чтобы не попасться на глаза коллегам по работе. Ну, почти последней, потому что дверь запирала и включала сигнализацию Раиса Тимуровна.

– Батюшки светы! – воскликнула та, когда увидела Глашу с двенадцатью крошечными «хвостиками» на голове, голым пупком и серьгой на нижней губе. Из-за того, что дырки не было, губа слегка выворачивалась наружу, как у лица африканской национальности. – Ты никак на гопотеку собралась?

– Куда-куда? – искренне изумилась Глаша.

– Так мои племянники дискотеку называют, – пояснила Подвойская и тут же похвалила: – Молодец! Инициатива – лучший способ завести детей. Кстати, ты себе что, губу просверлила? Просто супер! Я вот слишком поздно поняла, что у мужчин преобладают папуасские реакции на противоположный пол. Все, дура, думала, лаской возьму!

– Номер не прошел?

– На ласковых только алкоголики западают. Остальным подавай тело!

Приободренное Глашино «тело» отправилось в кафе-мороженое. Народу там, как назло, было выше крыши. Она искала глазами свободное место и остановилась на столике, за которым сидел только один человек: мужчина лет сорока – сорока пяти с двухдневной щетиной, четко вылепленными губами и задумчивыми глазами разведчика Штирлица.

– Привет, кекс! – сказала Глаша, подходя к нему развязной походкой. – Тут можно пришвартоваться?

Пока не появился Витя Стрельников, она решила обкатать выученные словечки, чтобы впоследствии они звучали более естественно.

– Садись, – пожал тот плечами и окинул Глашу невнимательным взглядом.

«Интересный тип, – подумала та. – Вот только нос у него длинноват. И уши оттопыренные. Зато челка густая. И, главное, точно такого цвета, которого нам с парикмахершей никак не удастся добиться при покраске».

Мужчина пил кофе и курил – перед ним стояла пепельница, полная сдавленных в гармошку окурков.

– Слушай, крендель, – снова обратилась к нему Глаша. – Здесь бабло сразу надо платить или когда уходишь?

– Валера, – мрачно сказал мужчина.

– Что – Валера?

– Меня так зовут – Валера. Не кекс и не крендель.

– Ладно, кент, не мороси, – с необидной интонацией попросила Глаша.

Тот в упор уставился на нее. Взгляд был неприятный, какой-то тягучий.

– Хорошо-хорошо: Валера! – поспешно поправилась Глаша.

Еще не хватает ей повздорить с незнакомцем! В наши дни это чревато: можно нарваться на бандита с покалеченной психикой, который достанет пистолет и сделает тебе бесплатный пирсинг в самом неподходящем месте. Однако прерывать эксперимент не хотелось, поэтому Глаша, заказав себе ванильное мороженое, снова обратилась к соседу:

– А что, – спросила она, – кофе тут шибко голимый?

– Какой? – искренне изумился тот.

– Ну, плохой, негодный! – нетерпеливо пояснила Глаша.

– Почему плохой? Очень даже ничего.

Небритый Валера отвечал неохотно и на Глашу почти не смотрел. Она воровато потрогала серьгу – разговаривать было жутко неудобно, появился даже некоторый присвист, потому что губы из-за самодельного «пирсинга» смыкались не до конца.

– А ты не в курсе, здесь берло подают? – снова пристала она к соседу.

Тот только фыркнул. Было ясно, что он снова не понял, о чем речь.

– Старикан замшелый, – пробормотала она с чувством собственного превосходства. Потом повысила голос и «перевела»: – Берло – это выпивка.

– Господи, в каком инкубаторе тебя вывели? – изумился тот, склонив голову к плечу.

– Давай не переходить на личности! – предупредила его Глаша. – А то я тебе с тыквы слепок сниму. Ты кишкануться сюда пришел? Так вот кишканись и соскакивай!

Ей так понравилась собственная находчивость и то, как художественно вплетались в речь выученные словечки, что она приободрилась. Когда Витя Стрельников затеет с ней беседу, то в два счета забудет о разнице в возрасте!

Она поглядела на часы – стрелки показывали без пяти минут восемь. Ее сосед тоже посмотрел на часы, а потом на дверь. Дверь была у Глаши за спиной, поэтому ей все время приходилось вертеться. Ведь Витя мог и не узнать ее со спины, всю в заколочках и в коротенькой кофточке, оставившей открытой полосу тела над поясом джинсов. В конце концов, только вчера днем она предстала перед ним в консервативном костюме, заурядно причесанная, без слэнга, пирсинга и, главное, без желания понравиться.

– Кульно, что здесь жужу крутят, – заявила она совершенно скисшему соседу. – Люблю я это дело! И не какой-нибудь отстой, а конкретный музон!

– Конкретный – это какой? – рассеянно спросил тот, не отрывая взгляда от двери. – Тяжелый металл?

– Конкретный – это значит прикольный, клевый. У тебя чего, детей нет?

Тот не успел ответить, потому что к столику неожиданно

подошел Витя Стрельников и, уставившись сверху на улыбающуюся Глашу, удивленно воскликнул:

– Ой! А я вас сначала даже не узнал!

Он был одет и причесан, как «хороший мальчик», и Глаша рядом с ним смотрелась примерно так, как Жанна Агузарова могла бы смотреться в паре с Муслимом Магомаевым. Их чисто внешнюю несовместимость заметил и противный Валера – у него сделалось такое изумленное лицо, что Глаша даже хихикнула.

Витя выдвинул для себя стул, резко сел и несколько раз кашлянул, поднеся ко рту кулак. Глаза у него бегали по сторонам, а уголок рта некрасиво дергался. «О! – подумала Глаша. – А я его задела! Если он еще сейчас посмотрит на часы, можно будет считать, что мальчишка у меня в кармане». По ее наблюдениям, когда мужчина смотрит на часы в присутствии женщины – значит, он заинтересован, но не желает этого показывать.

Витя Стрельников посмотрел на часы, и, чтобы не спугнуть его, Глаша светским тоном сказала:

– Вить, я хочу угостить тебя чем-нибудь. У меня сегодня хрусты есть.

– Да что вы, что вы! – встрепенулся тот и поглядел на нее испуганно. – Я сам!

– Ладно тебе! – Глаша похлопала его по руке, которая тотчас же убралась под скатерть. – Ты ведь студент, сам хрустов не зарабатываешь, небось самовар доишь?

– Простите? – тонким, петушиным голосом переспросил Витя. – Какой самовар?

Лицо у Глаши непроизвольно вытянулось. С двух слов стало понятно, что «пассажир не рубит».

– Доить самовар – это значит брать деньги у папы, – пояснила она.

– Так и есть, – неожиданно подал голос небритый сосед. – Он доит самовар. И в настоящий момент самовар находится в стадии закипания.

Глаша удивилась, а Витя Стрельников втянул голову в плечи. Она поняла, что юношу нужно защитить.

– Ну ты, мурня небритая! – с вызовом заявила она. – Скинься в тубик!

– Прелестно, – процедил сосед. – Элиза Дулитл в современном варианте. Вот что, Витя, иди домой, а мы тут с тетей Глашей поболтаем.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – та не смогла скрыть своего изумления.

– Эт-то мой отец, – сглотив, пояснил Витя Стрельников и поднялся на ноги. – Пап, ты знаешь что? Ты много на себя берешь. Я не для того тебе все рассказал, чтобы ты за мной шпионил. Все время говоришь – доверие, доверие, а сам ведешь себя, как...

– Как долбак, – с готовностью подсказала Глаша.

– Витя, иди домой, – холодно повторил Стрельников-старший. – А мы тут с мисс Дулитл посидим тет-а-тет.

– Ну и посидим! – неожиданно стухнув, согласилась Глаша. – Не переживай, Витя, мы еще с тобой пообщаемся. Витя пробормотал что-то неразборчивое и быстро вышел из кафе.

– Пообщаетесь, – ласково кивнул Стрельников-старший. – Один раз – туда, другой раз – обратно. Но сначала пообщайся со мной, детка. Кстати, что это у тебя на губе?

– Пирсинг, – коротко ответила Глаша и выразительно подождала ноздрями, чтобы показать, насколько она рассержена. – Ты, конечно, запретишь своему сыну мне помогать.

– Конечно.

Глаша посмотрела в его мрачные темно-зеленые глаза и поняла, что тактику придется сменить. То, что годилось для сына, никоим образом не могло пронять папашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.